УДК 397

М. Л. Засецкая

«Мы – они» и «свои – чужие»: особенности семантической оппозиции в русской культуре Псково-Печорского края во второй половине XX века

Засецкая Марина Львовна, Российский этнографический музей (С.-Петербург) отдел этнографии Северо-Запада России и Прибалтики, научный сотрудник ведущей категории; merjamz@mail.ru

Доклад посвящен особенностям межкультурных взаимоотношений, сложившихся в Печорском р-не во второй половине XX в. между старожильческим населением и разными группами переселенцев. В начале доклада автор указывает на то, что помимо традиционной семантической оппозиции «мы – они» на территории трансграничных регионов могут существовать особые группы, которые в зависимости от культурных аспектов одновременно будут признаваться и «своими», и «чужими». В качестве примера приводится отношение русского большинства Печорского края к сето, которые являются «нашими, своими» по вероисповеданию, но «чужими» по этнической принадлежности.

Автор вводит в научный оборот, собранные в период 1996–2009 гг. в Печорском крае, прежде не опубликованные полевые материалы, которые демонстрируют дифференциацию переселенцев второй половины XX в. старожильческим русским населением на две группы: «свои чужие» (пришедшие «за отцем духовным») и «чужие» (приехавшие по причинам, не имеющим никакого отношения к православию и Печерскому монастырю). По мнению автора, данный критерий является своеобразным отражением конфессионально-патриотического аспекта исторической памяти печорян, особенности которой, в свою очередь, неразрывно связаны с формированием этноконфессионального ландшафта Печорского края XV–XVII вв.

Ключевые слова: трансграничный регион, семантическая оппозиция: «мы – они», этноконфессиональная история, историческая память русских печорян, особенности миграции в Печорский край во второй половине XX в.

В начале доклада следует пояснить происхождение словосочетания «свои – чужие». Этнографы, работавшие в Печорском р-не среди сето в 1990-х гг., не единожды могли слышать своеобразную формулировку, с помощью которой представители этого православного финноязычного малочисленного народа характеризовали свое положение в России и Эстонии: «Свой среди чужих, чужой среди своих»[1]. Отметим, что эту двойственность восприятия сето иноэтничным большинством (русскими и эстонцами) можно проследить в публикациях XIX в. Так, псковский помещик М. Миротворцев, описывая особенности культуры «псковских эстов-полуверцев», часто использует притяжательное местоимение «наши»: «Наши полуверцы <…> Наши псковские эсты <…> во всех отношениях представляют собой переходное племя между эстонцами и русскими»[2]. Из текста следует, что сето, несмотря на то, что они «наши», но «они – не мы», то есть, они – наши/свои, но – чужие[3].

Предположительно, феномен «свои – чужие» типичен для территории пограничья и любого межкультурного фронтира, но принципы, заложенные в семантической оппозиции, на основе которой происходит дифференциация: «мы – они» (и соответственно «свои – чужие»),– будут иметь существенные различия, обусловленные рядом историко-культурных факторов и аспектов, включая этнический, конфессиональный, социальный, значимость которых может угасать или усиливаться в разные хронологические периоды в истории региона. Однако, по мнению автора доклада, при любых обстоятельствах следует учитывать роль исторической памяти у разных групп коренного старожильческого населения и новопоселенцев, которая выступает в качестве особого регулятора в сложившейся системе межкультурных взаимоотношений.

Во время работы в Печорском р-не Псковской обл. в период с 1996 г. по 2009 г. мне и моим коллегам удалось зафиксировать основной критерий определения печорянами «своих» и «чужих» среди миграционных групп второй половины XX в. и убедиться в том, что данный критерий является своеобразным отражением конфессионально-патриотического аспекта исторической памяти старожильческого русского населения, особенности которой,

в свою очередь, неразрывно связаны с формированием этноконфессионального ландшафта Печорского края XV–XVII вв.

В рамках данного доклада у автора нет возможности подробно останавливаться на истории монастырской колонизации Северо-Запада России. Напомним, что сакральное освоение пространства Псковского княжества проходили в сложных условиях военно-политического противостояния восточного и западного христианских миров[4]. Возникший на Ливонском рубеже пещерный монастырь был обустроен трудами трех подвижников: «блаженного первого печерского старца» – прп. пустынножителя Марка, свящ. Иоанна Шестника (прп. священноинока Ионы) и его супруги матушки Марии (прп. блаженной инокини Вассы)[5]. Добавим, что каждый из поименованных выше подвижников олицетворяет разные аспекты истории Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, в частности, о. Иоанн Шестник (*шестник* – на псковском диалекте XV–XVI вв.– «пришлый»), который пришел в эту землю «не нищеты ради, а ради покаяния и подвига»[6], в исторической памяти печорян ассоциируется с первым переселенцем «за отцем духовным», в роли которого выступает прп. старец Марк[7], а в широком смысле символизирует все последующее «пришлое» население: насельников монастыря и первых мирян – обитателей «подмонастырской слободы», дальних предков современных печорян.

Приведу один интересный факт, связанный с использованием слова «пришлый» в 2000-х гг. Перед отъездом моей коллеги О. В. Калининой в экспедицию (2007)[8], я попросила ее расспросить печорян, об их отношении к новопоселенцам, для сравнения с материалами 1996 г. Осознано или нет, Ольга Владимировна сформулировала вопрос, используя кодовое слово: «Как относятся к пришлым?» и в ответ услышала: «Да как-как – никак… мы сами здесь все пришлые»[9].

Однако, как свидетельствуют мои полевые записи 1996–2000 гг.[10] и 2009 г.[11], для печорян существует принципиальная разница между *пришлыми* «ради покаяния и подвига» и *приехавшими* «нищеты ради», то есть для заработка или с другими целями, не имеющими отношения к «нашему» монастырю.

К первой группе относятся переселенцы «за отцем духовным», о которых печоряне рассказывают охотно, с чувством затаенной гордости за свой монастырь. Но они помнят православную традицию и знают, что в случае смерти или перевода «отца духовного» в другой монастырь его «чада» в большинстве своем покинут Печорский край, поэтому в отношении этих переселенцев актуализируется та двойственность, которая в прошлом была

характерна для определения сето: «свои – чужие». Перечислим эти группы:

– чувашская община: в 1952–1954 гг. чуваши «*пришли* за игуменом»[12]; «недавно еще *пришли* за отцом Адрианом, он тоже чуваш», обладает особым даром «изгнания бесов»;

– мордовская община, примерно такая же по численности, «*но мордвы чуть поменьше, чем чуваши*»; «*пришли* за архимандритом Тихоном»[13];

– украинцы-переселенцы 1950–1970-х гг. «*пришли* вослед за отцом Пантилеймоном, ныне покойном, и позднее – за отцом Иринием, ныне (в 1996 г.– *М.З.*) благочинный монастыря»;

– молдаване «*пришли* за отцом Амвросием» в 1970-х гг.; в местную культуру «не вписываются», «шумные, крикливые», «у них мода всех девочек как-то вычурно называть, батюшка жалуется <…> как эти имена на православный лад переводить <…> Теперь всех Регин – Василисами крестит»;

– русские сибиряки – «*пришли* во след, за отцом Романом, прозванным в народе за сильный и красивый голос Сладкопевцем»[14];

– представители русской интеллигенции из Москвы, Санкт-Петербурга, Одессы «*пришли* за старцем» (о. Иоанном [Крестьянкиным][15]).

Ко второй группе («чужих») печоряне относят переселенцев, чье прибытие лишено какой бы то ни было связи с православием и монастырем:

– адвентисты седьмого дня – «из Латвии *приехали*»;

– свидетели Иеговы «тоже *появились*»;

– «майские … *понаехали* из Волгограда»; «Все очень тяжело воспринимают этих новых»; «Майские» – люди с советским мировоззрением, разных национальностей, работники керамического завода, приехавшие в конце 1970 – в 1980-х гг. Для них был построен новый микрорайон «Майский», названный в честь праздника 1 мая;

– «казахские немцы *едут* сюда под предлогом работы на керамическом комбинате, получают квартиры и прописку через баптистскую организацию, чтобы потом уехать через Эстонию в Германию»[16].

Отметим, что к «сектантам» у местных печорян сложилось индифферентное отношение, благодаря авторитету старца архимандрита Иоанна (Крестьянкина), который разъяснил прихожанам, как правильно реагировать на новых инославных: «Они же как дети маленькие: поют, танцуют, в ладоши хлопают, а православие – это для взрослых, это – трудно…»[17].

Иначе обстояло дело с «майскими», которых печоряне «тяжело воспринимали» в 1990-х гг.; отчетливый оттенок неприязни сквозил в слове «понаехали». Почему? Чтобы ответить на этот вопрос, еще раз обратимся к истории региона.

Возникновение Свято-Успенского Псково-Печерского мужского монастыря – «центра» – повлекло за собой православное окультуривание целого края – «окружения», который в обиходе и получил название Печорского задолго до выделения в одноименную административно-территориальную единицу – Печорский у.[18] Монастырь, главный устроитель социально-культурного пространства региона, на протяжении почти пяти столетий осуществлял в отношении округи те же самые функции, которые социология закономерно приписывает городу: хозяйственно-экономическую, управленческую, культурно-творческую, социально-политическую и т.п.

Поскольку по Тартускому мирному договору (1920)[19] земли Печорского края вошли в состав Эстонской Республики, то местная самобытная конфессиональная культура не была уничтожена в результате советской государственной антицерковной политики. Более того, культурная рефлексия у русского местного населения, которая имела место здесь в «эстонское время» (1919–1939), способствовала актуализации и укреплению исторической памяти и этноконфессионального самосознания[20].

Советские преобразования начались в Печорском р-не только после окончания Великой Отечественной войны. Серьезным испытанием для воцерковленных печорян стала атеистическая пропаганда, насаждение коммунистической идеологии в школе, принудительное отлучение от духовного кормчего – Псково-Печерского монастыря[21]. Но самым опасным «искушением» оказалось решение советской власти трансформировать градообразующую основу города-симбиота монастыря, построив на его окраине керамический комбинат «всесоюзного значения <…> По плану министерства: комбинат должен был стать еще одним гигантом, типа БАМ, самым большим в Европе»[22].

Печоряне расценили данное намерение как попытку заместить «наш» монастырь «их» керамическим комбинатом, разрядить местное население мигрантами, воспитанными в советской атеистической системе, и таким образом в конечном итоге извратить и уничтожить духовную сущность Отчины[23] – традиционную этноконфессиональную культуру Печорского края.

Однако этого не произошло. После распада СССР комбинат «Псковкерамика»[24] пришел в упадок: «Все остановилось, хотя мы уже и фаянс производить начали, и рабочих пригласили <…>.

Примерно полгода – год, из 1500 осталось 300 человек. Многие уехали <…>, часть ушла в таможню, в пограничники <…> было очень трудно, стыдно, неудобно перед людьми»[25]. Небольшая группа «майских», которые решили остаться, чтобы возродить производство, вынуждены были какое-то время «кормиться от монастыря», обслуживая развивающийся в 1990-х гг. религиозный туризм: водили экскурсии, продавали сувениры, фотографии с видами монастыря и т.п. А вскоре и сам монастырь пришел к «майским» с миссионерской миссией: в 2002 г. была основана приходская церковь Св. Троицы, воскресная детская школа для катехизации подрастающего поколения.

Таким образом, к концу первого десятилетия XXI в. наметилось примирение между печорянами и «майскими», которых перестали воспринимать как опасную «аут-группу». Станут ли они «своими» – покажет время. Ведь историческая память есть не только у печорян, но и у «майских», и между этими двумя силами, регулирующими взаимоотношения, гармонический резонанс пока не возник: «Мы казаки – громкие! У нас все – открыто. А здесь другой народ – тихие, скрытные, сами в себе»[26].

---

[1] Данное идиоматическое выражение было использовано Н. С. Михалковым для названия фильма-вестерна «Свой среди чужих, чужой среди своих» (1974 г.), благодаря чему стало весьма популярным среди разных слоев населения, в том числе и Печорского края.

[2] Миротворцев М. Об эстах или полуверцах Псковской губернии// Памятная книжка Псковской губернии на 1860 г. Псков: Типография губернского правления, 1860. С. 45, 48.

[3] В конфессиональном аспекте для русского православного населения сето были «свои», а в этническом – «чужие». Для эстонского лютеранского большинства Лифляндской губернии (позднее – в Эстонской Республике и в ЭССР) сето были родственными по крови «псковскими эстами», но чуждыми по духу из-за их «русской веры».

[4] Засецкая М. Л., Калинина О. В. «Народное православие»: К вопросу о характеристике религиозного мировоззрения русского населения Печорского края в материалах Л. Ф. Зурова//Экспедиции Музея Человека в Эстонию. Борис Вильде и Леонид Зуров в Сетомаа (1937–1938)/Науч. ред. Т. Бенфугаль, Х. Валк, О. Фишман. СПб.: Издательский дом «Инкери», 2021. С. 577–600.

[5] Подробнее см.: Архимандрит Тихон (Секретарёв). Врата небесные. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь. Печоры, 2008. С. 12–16.

[6] Зуров Л. Ф. Отчина: Сказание о Псково-Печерской обители. Печоры: Издание Псково-Печорского монастыря, 1994. С. 12–14.

[7] По местному церковному преданию, прп. Марк – из тех иноков, которые после «овладения великим князем Литовским Гедимином в 1320 г.

Киевским княжеством» из-за притеснения «от латинствующей Литвы <…> покинули в Киеве и его окрестностях свои монастыри и в безвестных дебрях и пустынях уединялись для подвигов поста и молитвы» (Архимандрит Тихон. Указ. соч. С. 14). Таким образом этот персонаж местной истории символизирует связь между Киево-Печерской лаврой и Псково-Печерским монастырем.

[8] В командировке 2007 г. «По следам Л. Зурова и Б. Вильде» помимо О. В. Калининой принимала участие сотрудница Музея Человека (Франция, Париж) доктор этнологии Т. В. Бенфугаль.

[9] АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 184. Калинина О. В. Полевой дневник рекогносцировочного выезда в Печорский р-н Псковской обл. 07–15 июля 2007 г.

[10] ААМЭЭ СПбГУ. 1996.– Дневник Засецкой М. Л.; В 1999–2000 гг. в период съемки фильма «Сету – народ Печорской земли» информация по этой теме была дополнена, собранные материалы 1996–2000 гг. как сравнительные, были частично включены в Полевой дневник 2009 г. (см.: АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д.218.– Засецкая М. Л. Дневник экспедиции в Псковскую обл., Печорский р-н. (г. Псков, Печоры) и Эстонскую Республику, Выруский и Пылваский р-ны (г. Сетомаа, Тарту). 19 августа-2 сентября 2009 г. Л. 29–31.

[11] АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 218. Л. 29–31, 43–45.

[12] О многочисленных паломниках из Ростова есть информация в книге о. Евгения (см.: В Псково-Печерском монастыре (воспоминания насельников). М.: Отчий дом, 1998. С. 99), посвященной игумену монастыря в 1950-х гг. архимандриту Пимену, будущему патриарху Русской православной церкви (РПЦ): «К отцу Пимену из Ростова сразу поехали паломники. А затем слава о монастыре и его настоятеле разошлась по всей России, и паломники, особенно летом, стали собираться в обитель сотнями, а впоследствии и тысячами».

[13] Архимандрит Тихон (Алексей Николаевич Секретарёв; 1955–2018),– архимандрит РПЦ, наместник Псково-Печерского монастыря с 1995 по 2018 г. URL: http://pskov-eparhia.ru/archives/3078

[14] Необходимо отметить, что многие иеромонахи монастыря имеют прозвища, данные им духовными чадами и только ими используемые, а не всеми прихожанами монастырских храмов. По-видимому, здесь речь идет об архимандрите Романе (см.: URL: https://ppmon.ru/o-monastyre/igumeny/70-arhimandrit-roman-zherebcov/)

[15] О. Иоанн (Иван Михайлович Крестьянкин;1910–2006) – архимандрит, праведный старец (подробнее см.: Православная энциклопедия [Электронная версия] URL: https://www.pravenc.ru/text/469498.html

[16] АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 218. Л. 29–31, 44.

[17] Там же.

[18] В 1782 г. по указу императрицы Екатерины II Печорский у. был выделен из Псковской губ. как самостоятельный; просуществовал в этом статусе до 1796 г. (подробнее см. на сайте Псковский мир URL: http://pskovmir.edapskov.ru/index.php?q=Административно-территорианое%20деление&page=17flag=0).

[19] Тартуский (Юрьевский) мирный договор между РСФСР и Эстонской Республикой (эст. Tartu rahu) был заключен 2 февраля 1920 г. (подробнее об истории заключения и содержании договора см.: URL: https://infoteach.ru/Тартуский_мирный_договор_между_РСФСР_и_Эстонией

[20] «Царское время», «эстонское время», «немецкое время», «когда красные пришли» и т.д – местная народная хронология (подробнее см.: Засецкая М. Культурно-социальные реалии Петсеримаа в 1920–1930-х гг.//Экспедиции Музея Человека в Эстонию. С. 365–380.

[21] Подробнее о попытках атеистического воспитания печорян в 1950–1970-х гг. см.: Калинина О. В. Религиозная жизнь сету и русских Печорского р-на Псковской обл. в условиях антицерковной государственной политики 1950–1970-х гг.//Север-Запад: Конфессиональная история и историко-культурный ландшафт: Седьмые международные Шёгреновские чтения: Сб. ст./Отв. ред. О. М. Фишман. СПб: Издательский дом «Инкери», 2018. С. 253–263.

[22] АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 218. Л. 44–45.

[23] См.: Зуров Л. Ф. Отчина. Об истории данного керамического предприятия, его реорганизации в 1990-е гг.(см.: Архив администрации Печорского р-на Псковской обл. Ф. 224.

[24] То же. URL: https://alertino.com/ru/91652; о двух современных его приемниках «ОАО Псковкерамика» и «ЗАО/ООО ЕвроКерамика» см.: сайты Псковской обл. и самих предприятий.; http://org.stroy-k.net/regionss/keramik/87/date/; https://euro-ceramica.net/about/

[25] АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 218. Л. 44.– Интервью с В. П. Голуменовой, 1956 г.р.

[26] Там же Л. 45.

UDC 397

M. L. Zasetskaia

"Us vs Them" and "Friend and Foe": Specifics of Semantic Opposition in the Russian Culture of the Pskov-Pechora Territory in the Second Half of the 20th Century

Zasetskaia Marina L'vovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the North-West Russia and Baltic Regions, research fellow of the leading category; merjamz@mail.ru

The report is focused on the specifics of intercultural relations that developed in the Pechora district in the second half of the 20th century between the long-time residents and different

groups of immigrants. At the beginning of this work, the author points out that additionally to the traditional semantic opposition “us vs. them”, there may be special groups on the territory of cross–border regions, which, depending on cultural aspects, would simultaneously be recognized as “friends” and “foes”. The study illustrates its point with the example of the attitude of the Russian majority of the Pechora Territory to the Setos, who are both “friends” by religion, but “foes” by ethnicity.

The author introduces into academic discourse the previously unpublished field data collected in the period of 1996–2009 in the Pechora Territory, which demonstrate the differentiation of the settlers of the second half of the 20th century by the long-time Russian population into two groups: “friends and foes” (“followers of the shepherd”) and “foes” (who came for the reasons that have nothing to do with Christianity and the Pskov-Caves Monastery). According to the author, this selection criterion is a kind of reflection of the confessional-patriotic aspect of the historical memory of the Pechorians, the features of which, in turn, are inextricably linked to the formation of the ethnic and religious landscape of the Pechora Territory of the 15th-17th centuries.

Keywords: cross-border region, semantic opposition “Us vs Them”, ethnic and religious history, historical memory of the Russian Pechorians, specific migration reasons in the Pechora Terrotory in the second half of the 20th century.